

Эдвард РАДЗИНСКИЙ

«Одной из самых важных и славных заслуг нашего императора является то, что при нем можно с безопасностью порицать дурных правителей... Или мы забыли Нерона, только теперь осужденного за доставленные нам страдания? Нет такого места, где тени оскверненных убийствами императоров могли бы найти покой от проклятий потомства... Будем довольны тем, что у нас есть, и будем со вздохом печали вспоминать о том, что мы претерпели»

(Плиний-младший).

«ТВОИ СОВЕТНИКИ ПРОДОЛЖАЮТ ВЕСТИ РОССИЮ

И ТЕБЯ К ВЕРНОЙ ГИБЕЛИ...»

Старое банальное изречение: основной урок истории состоит в том, что люди не извлекают из истории никаких уроков.

● После времен Тиберия, Калигулы, Нерона и прочих цезарей-убийц или попросту ничтожеств, наступила наконец перестройка времен императора Траяна. Были осуждены злодеяния прошлых цезарей. Многочисленные римские доносчики, которые составили на доносах власть и деньги, тотчас поспешили примкнуть к перестройке. Но римляне отнюдь не избирали высокопоставленных доносчиков в новый сенат, а воздали им по заслугам. Тот же Плиний-младший писал: «Мы видели суд над ними... Мы узнавали их, и мы наслаждались, когда их вели... за пережитые гражданами тревоги, за кровь казненных — на медленную казнь и тяжчайшие муки. Все они были посажены на быстро собранные корабли и отданы на волю бурь: пусть, мол, уезжают, пусть бегут от земли, опустошенной через их доносы».

Но хотя истреблены были доносчики и, улегшись на ложах, римляне наслаждались гласностью, клеймя деяния прошлых цезарей, система не изменилась. И все вернулось на круги своя!.. Впрочем, и у них, видимо, очень долго пел этот счастливый хор: «Перестройка необратима».

● Я только что закончил книгу о Николае II... В этой книге я попытался раскрыть до конца историю убийства царя и его семьи. «В России все секрет, но ничего не тайна...» Начиная писать, я знал, что добровольные показания главных участников царевубийства существуют и хранятся в советских секретных хранилищах. Мне удалось найти то, что я искал... Да, тайна в истории гибели царской семьи действительно существовала. Но по мере работы я с изумлением понимал, что еще таинственней, чем гибель, была жизнь последнего русского царя. В агонии великой империи мистически отразились сегодняшние наши дни. Жизнь Николая II оказалась предостережением... Вот что писал великий князь Александр Михайлович Николаю II накануне революции: «... События показывают, что твои советники продолжают вести Россию и тебя к верной гибели... Приходишь в полное отчаяние, что ты не хочешь внять голосам тех, которые знают, в каком положении находится Россия, и советуют принять меры, которые должны вывести нас из хаоса... Правительство сегодня тот орган, который подготавливает революцию. Народ ее не хочет, но правительство употребляет все возмож-

ные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных, и вполне в этом успевает. Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу».

А вот слова Гучкова: «Надвигается потоп, а жалкая, дрянная слякотная власть готовится его встретить мерами, которые не ограждают даже от проливного дождя...»

И каждый раз вздрагиваешь, когда из столичных магазинов таинственно исчезает хлеб... Вот так же в наступающей весне 1917 года в Петрограде исчез хлеб... и мрачные очереди выстроились у булочных.

Зимой у меня был вечер в Доме композиторов. Люди сидели в пальто: не работало отопление... На улице, исполняя президентский указ, ходили патрули... В магазинах еду давали по талонам... Стоя на сцене в пальто, я не мог не подумать: вот мы и оказались снова в 1918 году. Круг завершился...

● Несомненно, закончился очередной акт... На сцене новые персонажи, изменилась интрига, но жанр пьесы остается неизменным — все тот же театр абсурда.

Этот жанр был заявлен с самого начала: милый немецкий юноша сел в спортивный самолет и полетел. Он летел над великой страной и величайшей в мире системой безопасности. Абсурд: он пролетел всю страну и уселся на самую охраняемую в мире главную площадь. (Здесь он встретил другой абсурд: на площади лежал самый почитаемый в стране покойник, которому вот уже 70 лет отказывают в погребении...). А потом мир гадал: как он смог, этот милый юноша, долететь? Величайшие политологи придумывали хитроумнейшие объяснения. Пытались найти логику... Но у этой системы одна логика — страх. Как только страх уходит, остается абсурд.

Они все пытаются понять нас, чужестранцы, все задают логичные вопросы: Горбачев не останется, если не будет Ельцина, Ельцин тотчас погибнет, если не будет Горбачева, — это знает весь мир... Но оба делают все, чтобы не стало друг друга... Почему?! «Почему» не бывает в театре абсурда...

● Наше правительство. Это одно из самых способных правительств в истории человечества... Во всяком случае весь остальной мир тчетно бьется, пытается разрешить: все-таки как?! Каким путем добилось оно, чтобы в стране, в недрах которой вся таблица Менделеева, в стране бескрайних просторов и самой дешевой в мире рабочей силы... и ч е г о не стало.

Только наш народ знает исчерпыва-

ющий ответ. Закаленный в веселье своего семидесятилетнего счастья, он научился выражать свою мудрость — нет-нет, не в поговорках, как прежде, но в жизнерадостных анекдотах.

Анекдот 70-х: «Можно ли построить социализм в Сахаре?» — «Можно, но песка не будет».

А по улицам ездят троллейбусы с рекламами, призывающими покупать товары, которые не продаются... По телевизору сладкие голоса расхваливают то, чего у нас не будет и в следующем веке. И настаивают, чтобы мы покупали все это за валюту, которой у нас быть не должно...

Следит, следит правительство, чтобы ни на миг не прекращался наш веселый театр абсурда.

Только пережили мы великолепное абсурд-шоу с обменом денег, а уже подыскали нам новые развлечения.

● Мы все ценим наших народных депутатов. За благородство лиц, за изысканную русскую речь народный фольклор любовно прозвал их «палада мордов»... И что же мы узнаем недавно? Оказывается, «некоторые наши народные депутаты» ведут какую-то героическую жизнь: «изо дня в день» их «подвергают организованному давлению в местах проживания», а депутаты — страшно было прочесть — «нередко подвергаются грубому физическому насилию»... Но, видимо, злые насильники не удовлетворились ежедневными действиями в местах проживания, они подготовили целую демонстрацию...

Закончили с демонстрацией — и, благодарение властям, новое развлечение подросло: последний день перед повышением цен. Как ошпаренные тараканы, люди носились по магазинам. Оценим юмор: магазины были пусты. И в следующие дни, блистательно соблюдая жанр абсурда, пустые магазины торговали новыми ценами. Вместо товаров.

Философ Чадаев, каждый вечер выслушав распоряжения своего правительства, задумчиво спрашивал: «Интересно, а какой еще кукиш положат они завтра на алтарь Отечества?»

Итак, новый акт в театре времени Горбачева начинается. Очередной или последний? Кто будет на сцене? Греческий хор полковников? (Армию столько убеждали, что она может сделать переворот, что она в это поверила).

Но одно ясно: на сцену уже выходят тени — умерших и живых... Сначала Алиев, теперь Рашидов... Я смотрел материал готовящегося документального фильма о брежневских временах.

В зале вздыхали: «Ты погляди, в магазинах — товары, на улицах улыбаются... Нормальная жизнь».

● Молодой человек в нашем «гайд-парке» у «Московских новостей» держит речь, тоже о грядущем акте.

«Жил-был еврей, и у него была печальная жизнь: крохотная каморка и в ней куча детей. И он все брюзжал, все недоволен был... ну как наш народ при Брежневе. И пошел он к раввину: «Помоги!» И раввин сказал: «Помогу, только будешь выполнять все, что я прикажу. Возьми свою козу из хлева и посели ее в своей тесной комнате...» Через неделю еврей пришел, плачет. «Теперь возьми своих кур из хлева и тоже посели в комнате, и приходи через неделю». Пришел — рыдает. И раввин сказал: «Теперь подсели свою корову». И пришел еврей с кровавыми слезами. И тогда раввин сказал: «Теперь убери кур». Через неделю тот пришел веселый — легче, легче! «Теперь убери козу». И когда велел ему убрать корову, тот впервые в жизни сказал: «Хорошо живу! Счастлив!!!»

И вот сейчас, когда все уже смертельно устало от свободы и на пороге голод, они вернут нашему бедному народу сначала один сорт сыра, потом сахар, потом дурные холодильники и плохие телевизоры... И потом, когда в магазинах появятся даже водка, все будут так счастливы, что просто не заметят, как вместе с водкой появятся новые заключенные в тюрьмах... Причем сажать на этот раз будут действительно «по просьбе трудящихся», ибо народ будет дорожить вернувшимся к нему брежневским изобилием. Перестройка — великое изобретение, она поможет нашим людям навсегда постигнуть, как они хорошо жили при «папаше»... Только не подумайте, что все вернется на круги своя. Нет-нет, многое навсегда изменилось. В нашей стране появился новый класс...

Пока общество негодовало по поводу богатств мафии и кооперативов, пришли настоящие богачи с приятными молодыми комсомольскими лицами. Недавние молодые партфункционеры и комсомольские вожди или сотрудники куда более закрытого учреждения. Нынешние генеральные директора, руководители таинственно возникающих, как грибы после дождя, богатейших фирм и совместных

предприятий... И когда начнется приватизация, все это станет их собственностью. Наши будущие совкапиталисты, парткапиталисты, щедрые спонсоры культурных начинаний, наши Менотепы... Именно они в ближайшее время станут управлять нашим искусством вместо нищего Министерства культуры. Что ж, управление идеологией при помощи рубля куда эффективнее. Кто платит, тот и заказывает музыку... И что самое интересное, когда тюрьмы у нас снова заработают, в Западе не посмеют сильно негодовать. Разве осмелятся они обидеть деловых партнеров? Они, не выбросят на ветер все, что затрачено... Так что они как мухи на липучке — в нашей перестройке. Мы победили их без всякой армии».

● Я думал написать совсем другую статью. Я хотел рассказать, как на похоронах шведского премьера Пальме усадили рядом тогдашних врагов — палестинцев и израильтян, советских и американцев, чтобы все они перед лицом гибели от насилия поняли... Как в Америке, взявшись за руки, устроили великую цепь единства граждан...

Но ненависть от десятилетий позора и унижений, от этих трагических последних лет разочарований рвется наружу... И вечное российское: «Были хуже времена, но не было подлей» — опять на устах.

И я все думаю: неужели фильм «Покаяние» — это и есть вечное наше покаяние, покаяние с выброшенным из могилы покойником? Но покаяние вместе с мезью дает один результат — поверженную в злобу страну.

В обезьяннике вожак ударил другую обезьяну, та, в свою очередь, тотчас передала этот удар следующей, и так дальше. Последней, слабейшей, некого было бить. И она болела, пока перед ней не поставили зеркало. Она погрозила своему собственному отражению в зеркале, победно порычала на самое себя и выздоровела.

Но человек отличается от обезьяны уже тем, что умеет прощать. Так учил Господь.

Сейчас мы боимся голода. Но забываем о другом голоде, который восьмое десятилетие свирепствует на нашей родине.

...«Вот, наступают дни, говорит Господь Бог, когда я пошлю на землю голод, — не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних. И будут ходить от моря до моря и скитаться от севера к востоку, ища слово Господне, и не найдут его». (Ам. 8.11—12).

На снимке: Эдвард Радзинский с последним дневником последней русской царицы. Свастика — древний символ плодородия, солнца — любимый мистический знак Александры Федоровны вышит ее дочерью Татьяной. В этом дневнике записан последний день жизни царской семьи.

Радзинский Э.